

УДК 343.9:343.337

КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ И ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ГЕНОЦИДА СОВЕТСКОГО НАРОДА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИСТОРИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ)

CRIMINOLOGICAL UNDERSTANDING AND DOCUMENTARY PROOF OF ORGANIZATION OF GENOCIDE OF THE SOVIET PEOPLE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (BASED ON HISTORICAL DOCUMENTS)

Олег РУСЕЦКИЙ,
заместитель директора НПЦ
Генеральной прокуратуры,
кандидат юридических наук

В статье на основе анализа архивных документов с криминологической точки зрения рассматриваются вопросы криминальной деятельности руководства фашистской Германии в части организации геноцида советского народа в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: геноцид; организация криминальной деятельности; криминология.

Криминологический взгляд на проблему геноцида предполагает исследование его сущностных и содержательных аспектов как вида деструктивного девиантного поведения, определение системы детерминант и познание процесса его детерминации, особенностей его взаимосвязи с иными девиациями (в том числе официально криминализованными) и в конечном итоге формирование действенных механизмов предупреждения данных деяний, в настоящее время общепризнанно уголовно наказуемых¹.

В основу отнесения геноцида к наиболее общественно опасным деяниям положен результат

эволюции гуманитарных ценностей человечества, трактующей философскую дилемму о цели и средствах ее достижения в пользу морали. Исторический взгляд на соответствующую проблематику позволяет констатировать сложносоставную природу криминального умысла рассматриваемых преступлений, связанную одновременно с постановкой и реализацией деструктивных политико-экономических задач (распространение влияния или захват территорий, устрашение и подчинение населения, завладение ресурсами, имуществом и др.) и противоправных антигуманистических целей, направленных на уничтожение обладающей

¹ Признанный международным сообществом юридический статус преступления геноцид получил в середине XX века. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него заключена в Нью-Йорке 9 декабря 1948 г.

определенными (в том числе уникальными) признаками охраняемой законодательством социальной группы. Последние рассматриваются в качестве субъекта преступления как допустимое средство для достижения первых из указанных прагматических установок.

В отличие от уголовно наказуемых деяний, посягающих на жизнь и здоровье человека (часто имеющих спонтанный, катализируемый воздействием психоактивных веществ или ситуативными обстоятельствами характер), геноцид предполагает изначально формируемую систему организации криминальной деятельности, прогноз, оценку и принятие планируемых последствий.

По мнению исследователей, геноцид тщательно организован и совершается в соучастии. Для рассматриваемых уголовно наказуемых деяний характерно наличие «комплексного» субъекта [1]. Имеет место распределение функций субъектов на организационную и реализационную (непосредственное исполнение) составляющие.

Из вступительной речи главного обвинителя от Великобритании Х. Шоукросса, произнесенной на одном из заседаний Международного военного трибунала (Нюрнберг, 4 декабря 1945 года), следует, что данные выводы по окончании Великой Отечественной войны признавались мировым сообществом. В частности, было отмечено: «Возможно, будет сказано, что многие из документов, на которые мы ссылались, были написаны от имени Гитлера, что приказы были приказами Гитлера и что эти люди были лишь орудием воли Гитлера. Но они были орудием, без которого воля Гитлера не могла быть осуществлена, и они были более чем орудием. Эти люди были не просто послушным орудием, хотя они были бы достаточно виновными, если бы их роль этим ограничивалась. Это те люди, чья поддержка поставила Гитлера в то властное положение, которое он занимал. Это те люди, которые своей инициативой и планированием [...] замыслили и, во всяком случае, делали возможными акты агрессии, осуществлявшиеся от имени Гитлера. Это те люди, которые дали Гитлеру возможность создать армию, флот, авиацию, военную экономику, политическую философию, при помощи которых эти вероломные нападения были совершены, и вести своих фанатичных приверженцев в мирные страны на убийство, грабеж и уничтожение. Это те люди, чье сотрудничество и поддержка сделали возможным создание нацистского правительства в Германии...» [2].

Группы участников геноцида были связаны друг с другом, а также обладали различным объемом информации о преступном умысле, его

реальных основаниях и мотивации. В «Соображениях Гимmlера об обращении с местным населением восточных областей», представленных Гитлеру 25 мая 1940 года [3, с. 99–102], давались следующие рекомендации: «Ознакомление с документом начальников главных управлений следует поручить одному из руководящих чиновников войск СС. [...] Вместе с тем каждый ознакомившийся с документом должен дать расписку в том, что ему известно, что данный документ является директивой, которая, однако, ни в коем случае не должна цитироваться или даже воспроизводиться по памяти в приказах по соответствующим главным управлениям».

В названном документе, одобренном руководителем фашистской Германии, озвучена стратегия уничтожения советского народа как сформировавшегося к тому времени межнационального социального образования (общности). В частности, указано: «Мы должны исходить из того, что нам придется признать по возможности больше отдельных народностей и установить свое отношение к ним, т.е. наряду с поляками и евреями мы должны подумать об украинцах, белорусах. [...] Мы в высшей степени заинтересованы в том, чтобы ни в коем случае не объединять народы восточных областей, а наоборот, дробить их на более мелкие ветви и группы. [...] Принципиальным является вопрос о системе образования и отборе и фильтровании молодежи. [...] Ежегодно должно проводиться фильтрование всех детей генерал-губернаторства в возрасте от 6 до 10 лет с целью определения их полноценности или неполноценности по крови. [...] Население генерал-губернаторства неизбежно будет состоять после последовательного проведения этих мероприятий в течение ближайших десяти лет из оставшегося неполноценного населения, которое еще увеличится за счет перемещенного населения восточных провинций, а также населения того же расового вида, проживающего во всех частях германской империи. Это население будет представлять собой лишенную руководителей массу рабочей силы и поставлять Германии ежегодно сезонных рабочих и рабочих для использования на черновых работах (на строительстве дорог, в каменоломнях, на стройках)».

Значимым для криминологического анализа сущности геноцида является виктимологический элемент системы такого преступления. Отличия жертв геноцида от потерпевших в результате совершения большинства иных уголовно наказуемых посягательств на жизнь и здоровье человека связаны с отсутствием личных отношений с субъектами рассматриваемых преступлений,

возможности надлежащей защиты, а также с информированием о реальной угрозе (а в ряде случаев неизбежности) уничтожения по признаку принадлежности к определенной социальной группе. Данный признак, как правило, связан с фактом рождения и не зависит от самого представителя этой группы.

В механизме организации геноцида группа жертв должна быть изначально виктимизирована: определены не только ее идентификационные характеристики, но и обоснована мнимая угроза, связанная с ее существованием. По мнению исследователей, одна из причин массового уничтожения советских граждан в годы Великой Отечественной войны обуславливалась влиянием расовой теории, основанной на представлениях нацистов о существовании высших и низших рас. При этом высшая – нордическая раса, к которой принадлежали немцы, – призвана была господствовать в мире [4].

Как отмечает доктор исторических наук, профессор А.А. Панарин, еще в начале 1930-х годов Гитлер делился своими планами изменения демографической картины мира. «Мы, – говорил он Раушнингу, – должны развить технику обезлюживания. [...] Под обезлюживанием я [...] имею в виду устранение целых расовых единиц. И это – то, что я намерен осуществить, это [...] моя задача. Природа жестока, поэтому и мы можем быть жестокими. Если я могу послать цвет германской нации в пекло войны без малейшего сожаления о пролитой ценной германской крови, то, конечно, я имею право устранить миллионы низшей расы, которые размножаются, как черви!» [5].

Впоследствии разработанные и утвержденные фашистским руководством документы (генеральный план «ОСТ», инструкция об особых областях к директиве № 21 (план «Барбаросса») от 13 марта 1941 года, распоряжение начальника штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии о военной подсудности в районе проведения операции «Барбаросса» и об особых полномочиях войск, и т.д.) возводили зверства по отношению к мирному населению в ранг государственной политики и освобождали солдат от ответственности за преступления [6, с. 6].

На альтернативной основе в целях «рекрутирования», предоставления мнимых гарантий безопасности группа непосредственных исполнителей геноцида относится к иному, в том числе исключительному, социальному сообществу. Так, в памятке немецким солдатам («12 заповедей поведения немцев на Востоке и их обращения с

русскими», Берлин, 1 июня 1941 года) предписывалось: «Вы должны уяснить себе, что вы [...] являетесь представителями великой Германии и знаменосцами национал-социалистской революции и новой Европы. Поэтому вы должны с сознанием своего достоинства проводить самые жестокие и самые беспощадные мероприятия, которые потребует от вас государство» [3, с. 73].

Факты свидетельствуют о том, что среди непосредственных исполнителей геноцида, воспринявших данные ложные установки, оказались люди, разные по умственным способностям, возрасту, убеждениям и другим показателям. Например, согласно анкетным данным 6 тысяч эсэсовцев, охранявших Аушвиц (Освенцим), 75 % из них имели полное среднее образование, 5 % были выпускниками университетов с ученой степенью; 80 % определяли себя как христиане, среди которых было 42,4 % католиков и 36,5 % протестантов; 10 % охранников составляли женщины [7].

Для криминологии значимо исследование моделей и уровней связанной с геноцидом криминальной деятельности, взаимовлияния ее элементов целеполагающего, организационного, обеспечительного и реализационного характера. Развитие и детализация плана по организации геноцида советского народа в годы Великой Отечественной войны происходили на различных управленческих уровнях фашистской Германии – с учетом меняющихся условий, но в рамках единой стратегии. Распоряжением начальника штаба верховного командования вермахта «О подавлении “коммунистического повстанческого движения”¹ на оккупированных территориях» (действующая армия, 16 сентября 1941 года) устанавливалось: «Каждый случай сопротивления немецким оккупационным властям, независимо от обстоятельств, следует расценивать как проявление коммунистических происков... Чтобы в зародыше подавить эти происки, следует по первому поводу немедленно принять самые суровые меры для утверждения авторитета оккупационных властей и предотвращения дальнейшего расширения движения. При этом следует учитывать, что на указанных территориях человеческая жизнь ничего не стоит, и устрашающее воздействие может быть достигнуто только необычайной жестокостью. В качестве искупления за жизнь одного немецкого солдата в этих случаях, как правило, должна считаться смертная казнь 50–100 коммунистов. Способ приведения приговора в исполнение должен еще больше усилить устрашающее воздействие» [3, с. 117–118]. Согласно данному документу командующие войсками на оккупированных территориях должны

¹ Так фашисты называли партизанские отряды на оккупированных территориях СССР.

были довести эту информацию до сведения всех военных инстанций.

Для криминологии не приоритетен вопрос о способах осуществления геноцида. Закрепленное в конвенциональном и национальном (ст. 127 УК) определении данного преступления, уравнивание непосредственного уничтожения социальной группы (убийство ее членов) и иных мер по прекращению ее существования либо создание условий для этого является верным с точки зрения криминологической обоснованности криминализации рассматриваемых деяний. Отдельные формы уничтожения представителей социальной группы, приносящие жертвам особые страдания (например, убийство детей на глазах родителей), а также последствия, измеряемые различными количественными показателями, могут быть определены в законодательстве как квалифицирующие признаки рассматриваемых преступлений.

Вместе с тем важно соотнести отдельные документально зафиксированные действия с объективной стороной состава названных преступлений. Например, заслуживает внимания документ, изданный в Риге 3 мая 1943 года «О вывозе новых контингентов рабочей силы по указанию Заукеля²», предусматривающий вывоз на территорию рейха 183 тысяч рабочих. В отношении населения БССР

в данном документе было определено: «К вывозу – 30 тысяч молодежи, 100 тысяч семейных рабочих (из семей учитываются только работоспособные члены. Работоспособными считаются лица, достигшие 10-летнего возраста)» [3, с. 209]. Указанный возраст трудоспособности создавал аналогичные с геноцидом условия для несовершеннолетних.

В завершение отметим, что последствия геноцида глобальны и многоплановы. С позиции криминологии они охватывают не только физический, моральный, экономический ущерб для населения и государства, но и вызывают трудности в реализации принципа неотвратимости наказания, обусловленные проблемами привлечения к ответственности всех участников геноцида, включенных в сложную систему организации данной криминальной деятельности.

Необходимость дальнейших криминологических исследований геноцида советского народа в годы Великой Отечественной войны подтверждается как значительностью негативных последствий рассматриваемого преступления, так и тем обстоятельством, что с учетом стремительного развития технологий информационного воздействия в современных условиях геноцид как средство достижения деструктивных политических и иных целей может быть реализован даже в больших масштабах.

Oleg RUSETSKI, Deputy Director of the Scientific and Practical Centre for Problems of Reinforcing Law and Order of the Prosecutor General's Office of the Republic of Belarus, Ph.D. of Juridical Sciences

Based on the analysis of archival documents, the article considers, from the criminological point of view, the issues of criminal activity of the leadership of fascist Germany on the organization of genocide of the Soviet people during the Great Patriotic War.

Key terms: genocide; organization of criminal activity; criminology.

Список цитированных источников

1. Аванесян, В. В. Геноцид: криминологическое исследование / автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / В. В. Аванесян; Всерос. науч.-исслед. ин-т М-ва внутр. дел РФ. – М., 2010. – 36 с.
2. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: сборник материалов: в 7 т. – М., 1957. – Т. 1. – С. 341, 389, 390.
3. Анатомия агрессии: Новые документы о военных целях фашистского германского империализма во Второй мировой войне / ред. и предисл. В. В. Размерова. – М.: Прогресс, 1975. – 330 с.
4. Панарин, А. А. Основные причины и проявления геноцида советского народа в преступной политике фашистской Германии / А. А. Панарин // Интерактивплюс. Центр научного сотрудничества. – Режим доступа: <https://interactive-plus.ru>. – Дата доступа: 17.03.2023.
5. Из вступительной речи главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко, произнесенной на заседании международного трибунала в Нюрнберге 8 февраля 1946 г. // Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. Документы и материалы / под ред. П. А. Жилина. – М.: Воен. изд-во, 1987. – С. 175–187.
6. Геноцид белорусского народа: информационно-аналитические материалы и документы / Ген. прокуратура Респ. Беларусь; под общ. ред. А. И. Шведа. – Минск: Беларусь, 2022. – 175 с.
7. Аушвиц (Освенцим): документы, свидетельства, письма, дневники / под ред. И. А. Альтмана, К. А. Пахалюка; сост.: И. Альтман, К. Пахалюк, Л. Терушкин, С. Тиханкина. – М.: Научно-просветительный центр «Холокост», 2023. – 134 с.

² Э. Заукель – генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы нацистской Германии в 1942–1945 годах.